

Айгуль Клиновская

18+

Борни
и её
попутчики

Люди, которые всегда со мной

Айгуль Клиновская

Бонни и ее попутчики

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Клиновская А.

Бонни и ее попутчики / А. Клиновская — «Издательство АСТ»,
2026 — (Люди, которые всегда со мной)

ISBN 978-5-17-184995-5

Необыкновенное трагикомическое путешествие с казахским колоритом и шепоткой сверхъестественного. Легко ли довести собаку до пункта назначения? Азамат с друзьями Фаридом и Лалой отправляется в путь, не подозревая, что ждет впереди. Странные люди — и люди ли? — пытаются их обмануть, ограбить и даже убить. Животные чудят, действительность вокруг как будто ненастоящая. Мир кажется враждебным, дорога — бесконечной, но все преодолимо, если ты нашел своих. Любой морок бессилен против настоящей дружбы, а юмор поможет даже там, где сложно самому себе дать ответы. Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-184995-5

© Клиновская А., 2026

© Издательство АСТ, 2026

Содержание

1	6
2	9
3	14
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Айгуль Клиновская

Бонни и ее попутчики

© Айгуль Клиновская, текст, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Иллюстрация на обложке: *Юлия Межова*

1

Заправлять постель Азамата приучил кот. Как только уехала мама, все ее заветы пошли прахом. Немытая посуда громоздилась в раковине живописной кучей, на кровати в хаосе валялись подушка и три одеяла. Почему три? На все возможные варианты температуры: тонкое, среднее и теплое. Если совсем жарко, на толстое одеяло, как на валик, удобно закидывать ногу. Значит, все они нужны, несмотря на то что середина августа за окном.

Симон с его сволочным характером однажды положил конец постельному беспорядку, потому что блеванул не где-нибудь, а на кровати. К счастью, Азамат заметил мерзкий коричневый подарок, прежде чем рухнул в постель, а на следующее утро уже аккуратно заправил свое лежбище, спрятав его под светло-зеленым покрывалом. Теперь очередная кошачья пакость сразу бросится в глаза.

– Абыюзер ты. И тиран, – сообщил Азамат Симону.

Тот согласно мыркнул.

– Другого места не мог найти? – Азамат продолжал взывать к кошачьей совести.

Вопрос повис в воздухе, потому что Симон счел ниже своего достоинства на него отвечать.

Кот занимался воспитанием хозяина еще с тех пор, когда Азамат, приходя из школы, раскидывал вещи: пару раз пометил оставленный в коридоре рюкзак, еще пару раз – брюки, брошенные на стул. Этого хватило. Потому что едкий запах кошачьей тирании невозможно извести, а покупать каждый раз новые брюки или рюкзак – денег не напасешься. Теперь в коридоре никогда ничего не стояло без присмотра, а одежда тут же вешалась в шкаф.

Симон скользнул в прихожую и оттуда красноречиво заголосил. Азамат открыл ему входную дверь.

Утренний ритуал. Кот ходил гулять и всегда возвращался. Подъезд старого пятиэтажного дома никогда не закрывался, разве что зимой в лютые морозы, которые случались редко. В таком случае Симон напрягал голосовые связки и орал снизу, призывая хозяев.

Когда его величество уходило на улицу, дверь в квартиру оставалась приоткрытой, чтобы кот мог беспрепятственно вернуться. Бывало, он пропадал на пару дней, и тогда Азамат с мамой бегали по близлежащим домам и искали гуляку. Хоть и абыюзер, но свой же, родной. Иногда находили, иногда он являлся сам. Отощавший, вонючий, потрепанный, он с утробным урчанием, как пылесос, втягивал в себя еду, падал и отключался. Каждый год по весне в соседних дворах Азамат замечал похожих на Симона черно-белых котят. Жизнь хвостатого была полной и насыщенной – покруче, чем у некоторых людей.

Проводив Сожителя – еще одно прозвище Симона – на очередное randevu, Азамат пошел в кухню. Холодильник не обрадовал – за ночь там ничего не изменилось.

Сунув в рот печенье, Азамат глянул на подоконник и поперхнулся. Цветы! Маман нет пятый день, а он ни разу еще не удостоил их вниманием. Давясь сухим печеньем, он полил сначала две герани, следом незнакомый цветок, который обозначил для себя фикусом, и проросший овес, уже успевший поникнуть. Симон может и отомстить, если лишится своей травки.

Азамат окинул мысленным взором квартиру. Кое-где уже лежали по углам клубочки шерсти, в солнечных лучах струились пылинки. К маминому приезду нужно убраться: либо сегодня, либо в какой-то будний день после работы.

Обед есть – в холодильнике стояло ведро с одеревеневшими крылышками, которые он заказал вчера доставкой. Когда свежие – вкусные, постоят – уже не то, но все равно грызть можно. Симоновский корм тоже в наличии. Он проверил на всякий случай – точно есть. Осталось насыпать в пиалу семечек, прихватить кухонное полотенце, чашку для шелухи, и можно покидать кухню.

На пороге комнаты ворохнулся серый комок шерсти, Азамат сдвинул его ногой в сторону. Расстелил на диване полотенце, поставил две чашки, включил сериал. Воскресенье – оно такое: сначала надо делать что-то для удовольствия, суета подождет. Впереди еще целый день, все успеется.

Спустя пару серий Азамат потер мозоль от семечек на подушечке указательного пальца. Как-то Томи нащупала эту отметину, пришлось соврать, что помогал соседу строить баню. Она поверила. Или сделала вид, тут точно не разберешь.

Томирис хотела за него замуж. Это и удивляло, и не удивляло. Удивляло, потому что безрассудно стремится замуж за раздолбая, который не создан для семейной жизни, а не удивляло, потому что при всем своем раздолбайстве ухаживать он умел.

Однажды весной она заикнулась о том, что хочет сфотографироваться на маковых полях. Сказано – сделано. Собрать еды для пикника – задача простая. Они с корзинкой вкусностей прыгнули в машину и поехали, благо народ в Интернете делился геолокацией этих полей. Томи лучилась радостью. А Азамат... Азамат больше подпитывался от нее, ощущая гордость, что именно он подарил эту маленькую радость.

В целом, вечное желание девушек выйти замуж всегда приводило его в недоумение, потому что не было рядом практически ни одного примера поистине счастливой семьи. Поначалу еще бросались в глаза какие-то проблески, но они быстро исчезали. Азамат бывал на многих свадьбах, слушал десятки пожеланий долгой и счастливой семейной жизни, видел молодоженов, которые искрились от предвкушения этой самой долгой и счастливой. Проходили дни, и взгляды тухли, а в разговорах за кружкой пива незаметно, как плесень в банке с вареньем, появлялось недовольство второй половиной. Азамат смотрел, слушал и осознавал, что не хочет всего этого. Так честнее, в первую очередь перед самим собой.

Но девушки! Девушки через месяц общения начинали строить планы и раскидывать пачками намеки. Это самая нелепая часть отношений, без которой, увы, почти никогда не обходилось. Азамат никому ничего не обещал, но они умудрялись высасывать надежду буквально из пальца. И даже добротный секс подытоживали многозначительно: «Мне с тобой хорошо... Хочу, чтобы так было всегда!»

С Томирис не стоило связываться изначально. Они вместе работали, девчонка – крепость, о которую многие сломали зубы. Этим его и раззадорила. Однажды очередная оставленная Азаматом девица заявила, что он полон комплексов родом из детства. Слова запомнились. Пухлый пацан с круглым лицом – вылитый Винни-Пух – мог брать только харизмой. Возможно, в детском саду его и отшили один раз, с тех пор он доказывал себе и миру, что может добиться любую. Любую. Вот только все они рано или поздно начинали хотеть замуж. И пока, кроме бегства, иного способа бороться с этой напастью Азамат не нашел.

Отношения с Томирис растянулись на год, что уже было рекордом. По истечении этого беззаботного года и начались те самые вздохи и намеки, а Азамат в очередной раз удивился – опять кто-то рвется за него замуж.

Томи сразу стала обычной, все пошло по заезженному сценарию. Сначала он делал вид, что намеков не понимает, хотя его периодически пытались загнать в нудные разговоры по душам с нотками прессинга. Когда прикидываться дураком стало дальше некуда, отшучивался. А когда подошел третий этап, что называется приперли к стенке, он привычно начал недоумевать.

– Да зачем я тебе? Я же не создан для семейной жизни.

– Я тебя люблю.

О, этот универсальный ключ от всех дверей! Три слова, имеющие, по мнению большинства, нестигаемую силу. Хотя, по сути, всего лишь слова, в которые каждый вкладывает свой смысл. Только у женщин они почему-то неминуемо предвещают скорое бракосочетание.

– И я тебя. Но при чем тут свадьба, кольца, штамп? – Он ощущал дурноту.

– Дети. Еще же дети. – Томи унижалась, уговаривала, и ей это не шло, ой как не шло. Где та горячка, которую он уламывал долгих три месяца, прежде чем она согласилась на первую невинную чашку кофе наедине?

– Я сам еще ребенок в свои тридцать лет, мозгов нет совсем. – Он попытался перевести все в шутку.

– А если я забеременею?

Азамат дернулся, как от пощечины, и трижды сплюнул через плечо:

– Не дай бог!

Тогда-то он и увидел, как на самом деле каменеет человек. Замершая улыбка еще висела на лице Томи, пытавшейся придать непростому разговору какую-то легкость. Только вот все остальное – лоб, глаза, подбородок – сковало серой морозной коркой, которая вскоре поползла и до губ.

Позже Азамат ругал себя, но та реакция была самой быстрой и оттого самой честной. Мысль о детях приводила его в ужас. Чужие – еще куда ни шло, их присутствие рядом временно, но свои...

Этот мир – точно не место для его детей. И сам он – точно не отец.

2

В дверь постучали. Азамат поднял глаза к потолку, прислушался. Может, показалось. Или это кот набрался этикета?

Стук повторился. Тут же в комнате возник Симон. Сегодня он обернулся по-быстрому.

– Ты кого с собой привел? – Азамат поднялся с дивана и вышел в коридор.

В дверном проеме маячила щуплая фигура.

– Аза, салам, брат.

Фарид. Друг, одноклассник, сосед. Как кофе – три в одном.

– Салам, Фара, заходи. А я подумал, что Симон научился стучать.

В тесной кухне он убрал с табурета полотенце, махнул им по столу. Друг поймет и простит, что после отъезда маман и сам Азамат, и квартира приобрели заброшенный вид. Уборка случится, но позже, а пока они с Симоном наслаждались бездельем и анархией. Фарид уселся за стол.

– Крылышки заточим? – спросив риторически, Азамат вынул из холодильника картонное ведерко. – Как дела, рассказывай.

Он включил чайник, достал две тарелки. Симон пристроился на подоконнике и принялся прикусывать свою траву в ожидании, что ему перепадут куриные хрящики.

– Ты ешь, я не хочу, брат, спасибо. Воды дай просто, и все, – попросил Фарид.

Азамат на секунду замер – он рассчитывал пообедать в компании. Ну нет так нет. Он закинул ведерко с крылышками обратно в холодильник. Когда Фарид уйдет, он поест сам с очередной серией. Чайник, впрочем, выключать не стал.

– Может, хоть чай? Чего воду цедить?

Фарид кивнул нехотя, снял очки, положил их на стол и потер глаза. Азамат смотрел на него с интересом. Притащился зачем-то, есть-пить не просит, да и видок бледный.

– Болеешь? Что-то выглядишь не фонтан.

– Дай попить.

Азамат набрал в кружку воды, поставил на стол. Фарид обхватил ее двумя руками и осушил в несколько глотков.

– Отходняк? Бухал вчера? – Азамат наполнил кружку еще раз.

– Не бухал, брат. И не болею.

Лицо Фариды, и без того маленькое и остроносое, собралось, словно кто-то невидимый схватил его в пригоршню. Он зажмурился, чтобы удержать что-то, не дать проникнуть сюда, на эту кухню. Выглядело так, будто из глаз-щелок вот-вот покатятся слезы.

– Э, ты чего?! – испугался Азамат.

Он вспомнил один-единственный случай, когда Фарид при нем плакал. Его побили в школе, пытались поставить на счетчик то ли в пятом классе, то ли в шестом.

Отгрохотала перемена, начался урок математики. То, что это была математика, а не история или русский, Азамат помнил по кабинету, в котором они сидели. Учительница уже начала сверять по журналу присутствие, когда открылась дверь и вошел Фарид. Не обращая внимания на вопрос о причине опоздания, он деревянной походкой прошествовал к своей парте, сел и вот так же зажмурился. Учительница через секунду о нем забыла, остальных он тоже не волновал. А Азамат почему-то смотрел, хотя никогда не проявлял к нему особого интереса. Мелкий очкарик, в вечно мешковатом костюме, с выдающимися вперед заячьими зубами не имел шансов на повышенное внимание. Единственным его плюсом была хорошая учеба, списывать он давал, не жадничал. На этом интерес к нему исчерпывался.

Азамат продолжал неотрывно следить за ним, так как понял, что произошло. Боль и обида Мамедова были помножены на осознание того, что он никогда и никому не сможет дать

отпор. Фарид почувствовал его взгляд, снял очки и спрятал голову в сложенных руках. Пиджак топорщился и слегка подрагивал, на рукаве – белесое клеймо от пыли. Соседка по парте с неестественно прямой спиной не сводила глаз с доски, как будто пульсирующее рядом горе могло быть заразным. Азамат впитал в себя картинку всю без остатка и отвернулся. В голове закрутились варианты, как помочь бедолаге Мамедову.

Не сказать, что Азамат считался таким уж крутым в школе, просто благодаря подвешенному языку был на хорошем счету, его не трогали. Он так до конца и не осмыслил, почему решил вступить за хлипкого одноклассника. Многим доставалось, но никто особого сочувствия не вызывал. Как говорится, каждый выживает сам. Но в тот день и час обстоятельства сложились так, что Азамат отправился впрягаться за Фариду: с одними побеседовать, с другими пошутить, с третьими покурить. Парни, которые держали школу, милостиво пообещали оставить Мамедова в покое. Больше никогда Азамат не видел его слез. И сейчас не желал на них смотреть.

Ответ на вопрос так и не прозвучал, пришлось его повторить:

– Так что случилось?

– Помощь твоя нужна.

– Говори.

Фарид опять замолчал, принялся натирать очки краем футболки. Азамат его не торопил. После того случая они сдружились, до отличника дошла информация, кто за него слово замолвил. По окончании школы связь не прервалась, хотя Фарид и уезжал в Азербайджан на пять лет. Думал там остаться, но нет, вернулся. Долго потом Азамат над ним посмеивался: «Что, тяжело без бешбармака и баурсаков? Не смог, да?» Самое удивительное, что из Азербайджана Фарид вернулся не один, а с женой.

Лала была выше мужа на полголовы, с медовым голосом и сочными формами. После знакомства с ней ошалевший Азамат поинтересовался, как Фариду удалось добыть такую жемчужину. Тот признался, что особой его заслуги нет, родственники подсуетились и представили их друг другу. Азамат мысленно с ним попрощался, потому что Лала определенно смахивала на человека, который завтракал такими щуплыми, как ее муж. Но прошел год, другой, а Фарид все так же сновал по морю жизни маленьким бодрым катерком, рядом величественной бригантиной плыла Лала. Она лихо выдала ему двоих детей, гуляющего с ними папашу часто принимали за старшего брата.

– Дома что-то? – Азамат устал ждать и начал задавать наводящие вопросы.

– Да, – выдохнул Фарид, напялив в конце концов натертые очки.

Азамат подкинулся.

– Мать? Лала? Дети?!

Фарид замотал головой.

– Твою мышь, можешь нормально объяснить, что случилось?

Засвиристел чайник. Азамат и сам уже начал закипать от происходящего. Он сыпанул в кружку кофе, налил кипятка, со звоном размешал и отодвинул в сторону.

Фарид так и сидел, уставившись в одну точку.

– Я жду, – напомнил о своем присутствии Азамат. – Никто не умер, а ты сидишь как на похоронах!

– Умер. Точнее, умерла.

– Кто?!

– Бонни.

– Сука-а-а! – протянул ошарашенный Азамат. Восклицание можно было отнести и к ситуации, и к причине Фаридового траура. – Из-за этой старой псины ты мне всю душу вынул?

Фарид поднял на него печальные глаза. Такие рисуют в мультфильмах трогательным оленям.

– Не называй ее так. Она – член семьи.

Азамат отхлебнул кофе и глянул на Симона. Когда кот умрет, будет ли он также бегать по соседям и пугать их похоронным видом? Вряд ли. Но выдать что-то утешительное надо. Если друг пришел разделить горе, нужно его разделить. Хотя, сказать по правде, Азамата всегда раздражала визгливая собачонка, постоянно хватавшая его острыми зубами за икры.

– Слушай, ну все живое на земле смертно. Настал час и для Бонни, – попытался он как-то разрядить обстановку.

– Да, – вздохнул Фарид.

Азамат покрутил в голове идеи, что бы еще такого сказать.

– От старости же умерла? Не болела?

– Да.

Пришлось снова напрягать мозг. Фарид совсем не помогал, отвечая односложно.

– Каким образом будете утилизировать?

По тому, как на него посмотрели, Азамат понял, что сморозил кошунственную глупость.

– Я хотел сказать... Куда ее теперь? Не слышал, есть ли у нас кладбища для животных.

– Наверняка есть, – прошелестел Фарид. – Собственно, поэтому я к тебе и пришел.

Наконец-то! Светская часть визита подошла к завершению, значит, сейчас будет по делу.

– Говори, брат. Чем смогу – помогу, конечно.

Мелькнула мысль, что Фарид попросит отвезти Бонни в горы и там похоронить. Наверное, это запрещено, но что не сделаешь ради друга. Лопату только надо поискать в кладовке...

– Мне нужно отвезти ее в Сарыбас.

Азамат, который в мыслях уже нашел лопату, выкопал яму и даже проводил Бонни в последний путь, завис на пару секунд.

– Куда отвезти?

– В Сарыбас.

И тут прежде скупого на слова Фарид прорвало. Видимо, он копил силы, чтобы подбить Азамата на авантюру.

– Это же бабушкина собака. Мы привезли ее с Лалой оттуда, помнишь? Бабушка перед смертью очень просила позаботиться о Бонни и похоронить ее рядом, если получится.

Биография мелкой занозы Бонни никогда Азамата не волновала. Обстоятельства ее появления у Мамедовых, поросшие для него мхом, теперь предстали в полный рост.

Он молча вытащил из холодильника куриное крылышко и показал Фариду. Тот качнул головой. Тогда Азамат сам вгрызся в твердое мясо. Прикорнувший на подоконнике Симон оживился, потряс занавеской, чтобы хозяин и про него не забыл. Обглодав крылышко и кинув коту вожделенный хрящик, Азамат сполоснул руки и принялся вытирать их полотенцем. За это время в голове выстроилась система доводов, чтобы и в сомнительное дело не ввязываться, и друга не обидеть.

– А на фига вы ее взяли? – Он все-таки задал неактуальный нынче вопрос, учитывая давность событий. – Оставили бы кому-нибудь, сейчас бы проблем не было.

– Я сам захотел забрать в память о бабушке, Лала меня поддержала.

Лала! Вот где адекватный человек. И если она согласилась тащить живую собаку сюда, не факт, что одобрит перевозку трупа.

– А сейчас какие у нее мысли обо всем этом?

Фарид расправил плечи. Он всегда так делал при упоминании ее имени.

– Лала сказала, надо исполнить бабушкину волю.

Азамат понял, что Фарид своим кислым видом кого угодно собьет с толку. Вот и Лала не устояла перед этим взглядом раненого очкастого олененка.

– Так бабушка же сказала: «Если получится», – ласково напомнил он. – Даже братья не стоит. Проще похоронить Бонни тут, чем везти в такую даль. Сколько километров от нас?

– Почти две тысячи, – снова вздохнул Фарид.

– Это очень, очень, очень проблематично. Бабушка тебя простит.

Слово «очень» пришлось повторить трижды, чтобы потеснить безумную идею в голове Фарида.

– Сложно, но не невозможно. Я должен попытаться. – Упрямец не сдавался.

Даже трижды прозвучавшее «очень» не помогло. Азамат махнул рукой на попытки вразумить неразумного. В конце концов, Фарид – взрослый мужик, с женой и детьми. Пусть делает что хочет.

– Хорошо. А от меня чего хотите?

– Ты сможешь отвезти туда Бонни?

Азамат хохотнул так громко, что напугал Симона, но смех тут же потух, так как он понял – это не шутка.

– Прикалываешься, да? – на всякий случай уточнил он со слабой надеждой, что Фарид кивнет в ответ.

Тот с видом маньяка начал излагать план:

– Я все продумал. Мы купим формалин...

– Э-э-э, стоп-стоп! Кто это – мы? Ты что, собрался на машине ее везти?

– Да.

– Через весь Казахстан?!

– Да. Я посмотрел карту, мы можем...

– Молчи. Лучше молчи, – со зловецей интонацией посоветовал Азамат.

Почему-то свело судорогой мизинец на левой ноге, такое изредка случалось и всегда в неподходящий момент. Азамат поскреб его через тапку, не сводя глаз с Фарида. Тот смиренно молчал, позволяя ему переварить услышанное.

– А каким-то официальным путем можно это сделать? – Азамат уgomонил мизинец и продолжил прощупывать почву в поисках вариантов. Ясное дело, никакую собаку никуда он не повезет. – Ну там... Самолетом, с оформлением всех документов, специальный гробик ей заказать...

Такое мирное было воскресенье, уж лучше бы он затеял уборку и собирал бы сейчас пыль по углам. Хотя от визита Фарида это все равно не спасло бы.

– Это очень долго и муторно. Я узнавал...

– А пилить через всю страну с дохлой собакой в багажнике не муторно?! – взорвался Азамат.

– Я заплачу, брат.

– Да при чем тут деньги? Сама идея тупая, только ты такое можешь придумать!

– «Безнадежно – это когда на крышку гроба падает земля. Остальное можно исправить».

– Давай хотя бы сейчас без твоих цитат!

Азамат и сам не заметил, как вскочил и затоптался по кухне. Его распирала злость, а места не хватало. Хотелось встряхнуть Фарида, чтобы выбить из него дурацкие планы с дурацкой собакой.

– Короче, никуда я не поеду и ты выбрось это из головы, – отрезал он, мысленно ставя себе зарубку поговорить с Лалой. Ладно Фарид, он всегда немного блаженный, но она-то, разумная женщина, зачем потакает его безумным идеям?

Фарид поднялся и пошел в коридор, забрав с собой кружку. Азамат отправился следом и на пороге вынул ее из сжатых пальцев.

– Ты это... Крепись. Я понимаю, член семьи и все такое, – приговаривал он, пока Фарид обувался. На этих словах зачесалась икра от фантомных прикусываний Бонни. – Но у тебя жена, двое детей. Похорони собачку тут и живи дальше.

– «Иногда вы должны заглянуть в чужой мир, чтобы узнать, чего не хватает в своем». – Выдав эту тираду, Фарид замолчал, видно надеясь, что она перевернет сознание Азамата. Не дождавшись реакции, вздохнул и объявил первоисточник: – «Один плюс один».

– Пока. – Азамат распахнул дверь. – Мне еще убираться, скоро мама приедет.

3

Азамат щелкнул замком и покачал головой. Ну Фарик, ну выдал! Приникнув к глазку, он увидел, что тот топчется на лестничной площадке, не понимая, в какую сторону идти. Азамат собрался было открыть дверь и подсказать ему маршрут домой, когда Фарид наконец определился с направлением и стал спускаться.

– Чудила, – подытожил вслух Азамат, зная, что его не услышат.

Этот визит напрочь сбил воскресное настроение. Уже не хотелось ни сериала, ни крылышек, и Азамат взялся за то, что выходит гениально, когда ты на взводе, – за уборку.

Робот-пылесос пошел собирать комки шерсти, Азамат – за ним с влажной тряпкой, потому что круглобокий помощник по прозвищу Ганс не везде мог дотянуться своими щупальцами.

Поднимая стулья и протирая плинтусы, Азамат не мог избавиться от картинки в голове: в багажнике машины покачивается гробик. Точнее, не так. Фанерный ящик, в нем стальной короб, а потом уже запаянный аквариум, в котором плавает с выпученными глазами чихуахуа Бонни.

Что умеет рассеивать абсурдные картинки и в целом житейские печали? Музыка. Азамат во все горло заорал первое, что пришло на ум:

– Ее харизма меня бесит, ведь ничто так больше в голову не лезет!¹

Сразу и убираться стало веселее. Через пару минут раздался глухой стук в стену. Соседка Алевтина Петровна вечно подрезала ему крылья по части пения. И когда уже помрет, старая рухлядь? Азамат тут же испуганно разогнулся, бросив протертый до половины плинтус. Нельзя так думать! Нельзя плохое желать! Потом вернется это все или ему, или маме. Или Симону.

«Eins... hier kommt die Sonne. Zwei... hier kommt die Sonne», – голосом Тилля Линдемманна загрохотал телефон. Лала.

– Привет, жена моего друга!

– Привет-привет. Мой у тебя?

– Был, уже ушел.

– Странно. Нет его. И во дворе не вижу.

Азамат подошел к окну и отдернул занавеску. Фарид жил в соседнем подъезде, тут идти-то тридцать секунд. На скамейке шушукались две короткостриженные седые старушки, похожие на ветеранов боевых действий: то ли обменивались последними новостями, то ли разрабатывали план по захвату мира, а может, все вместе, одно другому не мешало. Рядом в темно-синей коляске дрыгал ножками ребенок, словно хотел придвинуться поближе и тоже вступить в дискуссию.

– Может, прогуляться решил? – Азамат озвучил версию исчезновения Фариды в выжидающий телефон.

– Я просила быстрее вернуться. Гайнана² ушла по магазинам. Мне малога на массаж везти, он должен был со старшим остаться.

– Звонила ему?

– Трубку не берет. Я подумала, вы заболтались, не слышите.

– Сейчас выйду поищу.

Азамат хотел выскочить как есть, в домашних растянутых шортах и майке, но все же переоделся. Это у них во дворе можно по-свойски, а вдруг придется расширить радиус поиска, негоже светить жирком на всю округу. Он похлопал себя по животу – увы, к тридцати годам

¹ Строки из песни WALLEM «Харизма».

² Свекровь (азерб.).

уже обзавелся этим балластом, в отличие от Фариды. Тот недалеко ушел от своего школьного образца, разве что в черных волосах поблескивали ранние седые нити. Азамат пригладил пятерней кучерявую шевелюру. Наверное, лучше благородная седина, чем живот, но тут, как говорится, выбирать никто не давал.

– Кто не приходит вовремя домой, тот получает по башке. Понял, Симон? – используя ситуацию в воспитательных целях, сообщил Азамат коту и рванул на улицу.

Беглый осмотр территории результата не дал. Старушки у подъезда доложили: они видели, как Фарид выходит, но куда пошел, осталось неизвестным, потому что младенец начал скандалить и отвлек.

Азамат направился к соседним домам. Из-за того, что он вертел головой по сторонам, не заметил кучку навоза, сюрприз от лошадей, которые забредали иногда в их район неведомо откуда. Хорошо, что почуял мягкое и не успел погрузить ногу полностью, иначе ступня в шлепанце утонула бы по щиколотку.

– Твою ж мышь!

Он пообещал себе выловить владельца лошадей для строгой беседы и зашоркал подошвой, оставляя на асфальте бурый след. Единственная мысль, способная утешить, когда вляпываешься в дерьмо, успокаивающе похлопала его по плечу: «К деньгам, к деньгам».

У торца дома верещали девчонки. За те секунды, пока он огибал спортивную площадку, эта компания успела повисеть на перекладинах, трясая развевающимися волосами, найти и потерять кузнечика, поссориться и помириться. Тихо никто из них не разговаривал. Пришлось ускорить шаг – от звонких голосов заложило уши.

Спрашивать что-то у девчонок Азамат не решился. Он представил, как они облепят его, словно муравьи поверженного жука, и не дадут идти дальше, вынимая душу писклявыми криками.

Навстречу выскочили свои – пацаны на самокатах. С этими разговор простой: посаламкаться за руку, как со взрослыми, перекинуться парой фраз, задать интересующий вопрос. Фариды никто не видел. Выпросив самокат на один кружок, Азамат полетел вокруг домов, зорко высматривая тщедушную фигуру.

В соседнем дворе тетка развешивала на улице белье. За ней безучастно наблюдали розы, сиявшие яркими пятнами на фоне зелени, но при ближайшем рассмотрении уже тронутые увяданием, как лицо молодящейся старухи. В другом дворе под колеса самоката кинулся облезлый кот, из-за него Азамат чуть не ушел в крутое пике. «Походу, конкурент Симона, мстит ему через меня», – подумал он, выровнял положение и помчался дальше. Объехав таким образом пять ближайших дворов, вернулся к мальчишкам и отдал взятый напрокат транспорт. Где же его дружище?

– Эй, бойцы! – крикнул он отъезжающим пацанам. – Кто найдет дядю Фариду, тому пятьсот тенге.

Стайка тут же без лишних слов прыснула в разные стороны. Азамат усмехнулся. Если Фарид где-то рядом, его из-под земли достанут. Материальная мотивация – страшная сила.

Он вернулся к своему дому, сел на лавочку и закурил, что позволял себе редко, чаще от безделья, и принялся ждать новостей, рассматривая испачканную подошву.

Солнце припекало. У подъезда парочка голубей барахталась в незасыхающей черной луже, встряхивая мокрые крылья. Яма в асфальте была здесь, сколько Азамат себя помнил, и никто не собирался ее заделывать. Наверное, если бы кто-то однажды взялся и ликвидировал это голубиное озеро, у жильцов наступил бы шок, потому что с лужей сроднились, как с живущим много лет бок о бок соседом.

Вскоре примчался взмыленный разведчик и доложил, что дядя Фарид у старой яблони. Азамат поднялся домой, переобулся в кроссовки, вытащил из портмоне синюю купюру.

– Держи, боец! Заслужил! – Он вручил деньги взъерошенному пацаненку, которому сегодня повезло. Остальные уже вернулись и теперь с независимым и равнодушным видом, будто им вовсе и не завидно, делились, кто где искал.

– Точно он там? – переспросил Азамат.

– Да, да, – закивал мальчишка. – Я подъехал и даже поздоровался с ним.

Азамат пожал ему потную ладошку и отправился на пустырь. Он прошел один дом, второй, оставляя за спиной шум машин и детское многоголосье. Длинный ряд гаражей закончился, за ними открывался пустырь, на который, странное дело, еще никто не наложил лапу и не затеял грандиозную стройку.

Фарид сидел под старым деревом, чье происхождение затянуло паутиной времени. Посадил ли кто-то саженец своими руками, или ветром занесло сюда семечко, никто не знал, но появилась тут давным-давно яблоня, которая маяком притягивала ребятню со всей округи. Чего здесь только не происходило: и разборки, и драки, и клятвы в вечной дружбе, и обещания не менее вечной любви.

На утоптанной площадке валялись конфетные фантики и шелуха от семечек. Азамат поморщился – во времена их детства тут не мусорили. Старые покрышки, которые тащили из гаражей, чтобы посидеть на пустыре с комфортом, никуда не делись. На одной из них и восседал в позе мыслителя Фарид. Азамат подошел и сел рядом.

– Лала ждет тебя. Малога надо на массаж везти.

Фарид вздохнул.

– Ты запарил, хватит вздыхать! – взвился Азамат.

– Сейчас пойду.

– Вот и иди! Его жена ждет, а он тут сидит и прохлаждается! – Азамат потоптался на месте и снова сел. – Это всего лишь собака. Да, друг, да, член семьи. Но с ее перевозкой возникнет столько вертяков – ты и не рад будешь.

– Ты прав.

Наверное, старая мудрая яблоня прочищает людям мозги. Почувствовав, что лед тронулся, Азамат обрадовался и продолжил заполнять пространство доводами:

– А у тебя дети. Прикинь, если что-то случится в дороге? Еще и путь такой неблизкий. – Оглянувшись по сторонам, он предложил: – Давай тут ее где-нибудь закопаем, недалеко. Будете ходить всей семьей, цветы возлагать.

Фарид покосился на него с подозрением – уж не сарказм ли это? Но Азамат изобразил самый искренний взгляд, на который был способен.

– Ладно, пойду я, – сказал Фарид и поднялся. Отряхнув брюки, он пожал Азамату руку на прощанье. В глаза почему-то не смотрел.

– Давай, брат, а я посижу немного, подышу, раз уж вышел.

Азамат вытянул перед собой ноги, помесил кроссовками пыль. Пропажа нашлась, вопрос закрыт, можно дальше жить свою жизнь, минуя вот такие глупые потрясения. «Чудила», – в очередной раз беззлобно подумал он, наблюдая за удаляющимся Фаридом.

Неожиданно тот притормозил и обернулся.

– Нет, нет, нет, только не это, – забормотал Азамат. Такие внезапные остановки, как правило, ничего хорошего не сулили.

– Я все равно повезу Бонни, вне зависимости от того, поможешь ты мне или нет! – выкрикнул Фарид и припустил с пустыря бегом.

Азамат вытащил телефон.

– Лала, встречай, твой псих пошел домой. Скажи мне только одну вещь – на хрена вы притащили сюда эту собаку?!

– Понимаешь, надо было видеть в тот момент его глаза.

Лала пригубила из рюмки и подняла ее, рассматривая на свету. Легкий акцент делал все произносимые ею слова похожими на урюк: округлыми и солнечными, со стойким привкусом лета.

– Каль-ва-дос. Надо же. Не предполагала, что Вэвэ знает такие изысканные названия.

Азамат взял винную бутылку, содержимое которой не имело к ней никакого отношения, и долил в обе рюмки – и Лале, и себе.

Вэвэ – сосед Виктор Валентинович. О его имя и отчество дети ломали языки, поэтому само собой родилось короткое прозвище, которое подхватили и взрослые. Он не возражал. Всю жизнь Вэвэ посвятил изготовлению бодрящего, просто раньше это называлось самогоном, теперь же он понабрался заковыристых терминов и всюю ими щеголял.

– У него еще пуаре есть. Из груш. – Азамат чувствовал, как слова, покидая рот, слегка спотыкаются на выходе. Кальвадос крепко знал свое дело.

– Взял?

– Нет. Я яблоки больше люблю, поэтому предпочел то, что из яблок.

Лала, уловив чутким женским слухом, что собеседник «поплыл», допила свою рюмку и вынула из рук Азамата бутылку.

– Стареешь? Выпили-то совсем чуть-чуть, а ты уже окосел.

Она ушла в комнату прятать спиртное в шкаф. Азамат крикнул ей вслед:

– Меня не кальвадос, а муж твой подкосил своими закидонами!

Лала вернулась, села на тот же самый табурет, на котором утром сидел Фарид. Кухонное окно уже закрасили сумерки. Длинный бестолковый день никак не хотел заканчиваться: то муж покоя не давал, то теперь жена зашла поговорить.

– Ты спрашивал, зачем мы притащили собаку. – Лала усмехнулась. – Если бы ты видел его глаза после похорон бабушки, то не спрашивал бы. Он же если упрется, не сдвинешь. Скала.

Азамат представил Фариду в виде маленькой, но суровой скалы. Таковую и ребенок обскачет. Он хихикнул. Хмель кружил голову, смягчал очертания кухни.

– Я, честно говоря, рассчитывала, что он не вспомнит о бабушкиной просьбе.

– Ага. У твоей скалы память получше, чем у нас, вместе взятых.

Лала смотрела на него пристально, будто решала, стоит ему доверить какую-то сокровенную информацию или нет. Азамат отвел глаза. Потому что этот взгляд как бездна, в которую можно рухнуть стремительно и незаметно, перечеркнув долгие годы дружбы с ее мужем.

– Не смотри на меня так. Ты же знаешь, я могу влюбиться и отбить тебя у Фарика.

Подобно глотку свежего воздуха из распахнутой форточки, простецкая шутка разрядила обстановку. Впрочем, как и всегда. Азамат юмором оборонялся от непостижимого обаяния Фаридовой жены. Изредка отблески этих взглядов приходили в жгучих и влажных снах. И ведь спроси его кто-то, хочет ли он жену друга, он размазал бы за такой вопрос. Но черные глаза Лалы сносили все принципы морали, как бешеный сель, несущийся с гор. Если бы она захотела, он бы давно пропал. К счастью, Лала была верной женой, так что, не сговариваясь, они вместе противостояли демонам Азамата.

– Я поеду с вами, – заявила она, словно это похоронное путешествие – вопрос уже урегулированный. – Вдвоем с Фаридом вы обязательно куда-то вляпаетесь.

Азамат задохнулся от возмущения, не зная насчет чего протестовать в первую очередь: что за него уже приняли решение или что их с Фаридом выставили беспомощными младенцами.

Не отыскав нужных слов, он встал и протиснулся мимо Лалы. Все-таки тесная кухня – наказание. Из комнаты он вернулся с преждевременно отправленной в ссылку бутылкой кальвадоса.

– Будешь?

Лала покачала головой.

– Правильно. Тебе еще к мужу и детям идти.

Он опрокинул рюмку, занюхал последним куриным крылышком, остатком роскоши из опустевшего картонного ведерка.

– С тобой эта поездка обретает какой-то не то что смысл, а... – Он задумался, подбирая слово. – В общем, выглядит уже не так странно.

– Это ты так признаешь, что сами вы не справитесь?

– Просто ты свой в доску парень. Мы с Фаридом за тобой как за каменной стеной, – усмехнулся Азамат. И добавил уже серьезно: – Мы ж как дети с ним. А ты будто старше нас на тысячу лет.

– Ну спасибо, записал меня в древние старухи. – Лала поднялась и направилась к выходу. – В общем, мы тогда готовимся. Через пару дней выезжаем, – подытожила она, открывая дверь.

Азамата качнуло: то ли от кальвадоса, то ли от осознания собственной глупости. Он и сам не понял, как так получилось, что они все же повезут треклятую собаку через всю страну.

– А дети? – крикнул он в глубину опустевшего подъезда последний довод.

– Решу, – эхом донесся снизу голос Лалы. – Машину подготовь к дороге.

И снова пахло урюком, будто кто-то рядом аккуратно разделил пополам оранжевый плод, вынул косточку и обнажил солнечную мякоть.

4

Следующим утром будильник прозвенел без пяти девять. Зевая и почесывая спутанные кудри, Азамат потянулся к ноутбуку. Включил и поздоровался в чате с коллегами – все, рабочий день начался. Теперь, когда его статус в корпоративной сети горел жизнерадостным зеленым огоньком, можно было не спеша умыться и выпить кофе.

Во время пандемии весь мир вкусил прелесть удаленки. Компания, в которой работал Азамат, в итоге решила оставить этот бонус, такой же приятный, как соцпакет. Хочешь – трудись из дома, хочешь – езжай в контору. Когда закончился карантин, первыми из плена с гиком вырвались семейные – вдохнуть свежий офисный воздух вместо застоявшегося амбре родимого очага. Долго потом в кулуарах с содроганием обсуждались леденящие душу истории, кто как перенес заточение с женами и детьми. Среди коллег таких можно было вычислить сразу: они появлялись ранним утром, едва распахивали двери первые кофейни, с картонным стаканом неизменного капучино в руках и живым блеском в глазах. Они засиживались до позднего вечера, изо всех сил оттягивая момент возвращения в родные пенаты. Еще один камень в огород под названием «брак».

Азамат после снятия карантина периодически ездил в офис, чтобы не одичать, но в целом его устраивала работа из дома. Здесь за спиной не появится начальник, когда ты бездумно листаешь сайт «Колеса» и примеряешь к себе то или иное авто. В обеденный перерыв можно вздремнуть, а в конце дня не тратить нервы на ежевечернюю пробку по дороге домой. Написал в 18:00 в чате отдела «Всем пока!», выключил ноутбук и свободен.

Утро началось с очередной безвкусной печенки и кофе. Азамат вообще не придавал завтраку никакого значения, но Томирис любила прочистить ему мозг на эту тему. Все ночевки у нее обязательно включали в себя сытный и полезный завтрак со всякими диковинными штуками вроде овсяноблина с авокадо. Если же они подскакивали поздно и на церемонный прием пищи времени не оставалось, то устраивали эклерное утро: забегали в кондитерскую, изучали ассортимент и покупали четыре разных эклера, чтобы потом на офисной кухне порезать их пополам и получить четверное удовольствие. Не полезное, но вкусное.

Томи молчала почти неделю после его выходки со сплевыванием через плечо. И он не звонил, не писал. Два противника замерли в окопах и ждали, у кого быстрее сдадут нервы. Азамат понимал, что любая его реплика будет расценена как знак согласия. Согласия с тем, что семья и дети – это хорошо и весело. Даже попросить прощения он не мог, слово «прости» автоматически потянуло бы за собой дискуссию и выводы, которые будут явно не в его пользу.

Он думал о Томирис несколько дней после того разговора, думал бы еще и в воскресенье, но на арену вышел Фарид со своей Бонни и потеснил все остальные мысли. Интересно, как Томи восприняла бы эту историю? Ахнула бы? Удивилась? Рассмеялась? Все зависит от того, как он преподнес бы. Ну уж наверняка без драмы. Роль Пьеро в этом спектакле плотно занята Фаридом. Азамат вспомнил ямочки на щеках, которые появлялись, когда Томи хохотала. В обычной обстановке они прятались, поэтому рассмешить ее было важной задачей, чтобы хоть иногда ямочки являлись в этот, по большому счету, унылый мир.

Натянув дежурную немятую футболку, он засветил лицо на видеопланерке. Шеф сдуру придумал начинать каждое утро именно так. Какие уж новости могли появиться за выходные, непонятно, но спорить с начальством себе дороже, тем более он собирался клянуть внеплановый отпуск. Есть шанс, что не дадут, и тогда можно будет послать Бонни к черту, но попытаться все-таки нужно. Не ради Бонни, ради Фариды. Что, собственно, он и сделал после планерки, попросив начальника задержаться на пару минут.

– Ты разве в этом году не отгулял? – С экрана ноутбука сочилось недовольство.

– У меня на осень запланировано две недели, я хотел одну перенести на сейчас.

– На сейчас – это на когда?

– Со следующего понедельника.

– А что вдруг? Отдел кадров может не согласовать перенос.

– По семейным обстоятельствам нужно уехать. Похороны... – Азамат не считал, что погрешил против истины. Фарид ему как родной, и насчет похорон он тоже не соврал. Просто не уточнил, кого собираются провожать в последний путь.

Начальник сразу стер с лица кислую мину и изобразил сочувствие.

– Ну если так, то с моей стороны ок. С кадрами сам договоришься.

– Хорошо, – скорбно ответил Азамат.

– Допили тогда на этой неделе базу знаний.

– Сделаю.

За последний год отдел существенно обновился, а толкового подхода к обучению не было. Раньше новых сотрудников подсаживали в офисе к старичкам, те учили их уму-разуму. Теперь и ветеранов не осталось, и удаленка не способствовала быстрому погружению в дивный мир продаж пластиковых емкостей.

Лень, как известно, двигатель прогресса, поэтому Азамат сам выдвинул идею по формированию базы знаний со всеми инструкциями. Лишь бы не ездить в офис и не сидеть с новичками.

Полдела сделано. Оставались переговоры с кадровиками. Раньше он решал такие вопросы через Томирис, теперь это было проблематично. Покрутив в голове, как лучше поступить – обратиться к ней или пойти в обход, он решил все-таки не пасовать перед трудностями и позвонить Томи. В душе даже пораздовался, что появился невыдуманный повод разведать обстановку.

– Привет. – Он придал голосу нейтральность, когда раздалось ее такое же нейтральное «Слушаю». – Как дела? – Дурацкий вопрос в нынешних обстоятельствах, но он не мог его не задать.

– Нормально. Как сам? – Судя по морозному тону, ей было плевать и на звонившего, и на его дела.

– Все пучком. У Фариды возникли проблемы, мне нужен отпуск по этому поводу, – отта- рабил Азамат, давая понять – просит не для себя, а для друга.

– Что-то случилось?

– Надо съездить с ним кое-куда. По семейным обстоятельствам. – Это словосочетание открывает многие двери. Чаще оно подразумевает печальные события, реже – радостные. Азамат произнес его так, что сразу стало понятно – ни о какой радости речь не шла.

Томирис не любопытствовала, уточнила даты переноса, что-то там у себя проверила и дала добро на заполнение заявления. Попрощались они как чужие.

Дурацкая ситуация. Лучше разругаться в пух и прах, чем вот так, ни туда ни сюда. «Само рассосется», – успокоил себя Азамат и занялся базой знаний, так как в обед предстояло метнуться к Вэвэ, чтобы тот посмотрел машину перед дорогой.

Так далеко за рулем Азамат еще никогда не ездил. Не хотелось бы застрять в голой степи. Надо заранее изучить по карте маршрут и обозначить точки для остановок.

Без пяти час он уже выскочил из дома. По дороге забежал в магазин и купил лимонад. В маленькой пристройке, где пекли тандырные лепешки, прихватил самсу с сыром. С мясом он не уважал, потому что выглядело оно сомнительно, да и лука там всегда полно.

Вэвэ жил в частном доме за пустырем. Недавно он женился, чем поверг в шок всю округу. Калитку открыла его супруга, молодая казашка, ровесница Азамата. Она подметала двор, предварительно политый водой, чтобы прибить пыль. В косынке и коротком халатике она выглядела бы совсем девчонкой, если бы не выпирающий живот.

Азамат нашел Вэвэ в огороде. В темно-зеленой панаме, прикрывавшей плешь, с усами, когда-то пышными, сейчас обвислыми, цвета жухлой осенней травы, в застиранных камуфляжных штанах и линялой футболке на сухом жилистом теле он все еще источал силу. Или, точнее, дух, которым наверняка сражал наповал в дерзкой молодости. С каждой встречей он все больше ссутуливался, пригибался к земле, но это не мешало ему махать лопатой и стряпать детей.

– Почему-то при каждой встрече снова тянет вас поздравить, – вполголоса сказал Азамат и пожал Вэвэ руку.

Тот блеснул из-под панамки хитрыми глазами.

– Поздравляй, не стесняйся, это не денег в долг просить. Ты вот тормозишь, приходится мне отдуваться насчет демографии в стране.

Пока они обменивались новостями, его жена выставила на стол под навесом все для чая. Извинилась, что обед еще не готов.

– Я вот самсы принес. – Азамату не хотелось прослыть нахлебником.

– Яичницу пожарь, жаным, – попросил Вэвэ жену. – Мы-то потом поедим, а у парня обеденный перерыв скоро закончится.

Она кивнула, скрылась в доме и вскоре вернулась с шипящей сковородой. Так же незаметно на столе появился салат из помидоров и огурцов, заправленный сметаной. Азамат уминая яичницу, закусывая самсой. От чая отказался, предпочел лимонад.

Ему всегда было здесь хорошо, хотя маман не одобряла их общение, считая, что «старый обалдуй», как она называла Вэвэ, ничему доброму и светлому не научит. А Азамат в детстве мечтал, чтобы тот оказался его отцом.

– Как кальвадос? Распробовал? – спросил Вэвэ, макая кусок слоеной самсы в растекшийся яичный желток.

Они сидели вдвоем, пузатая косыночка удалась, чтобы не мешать мужчинам. Из-за угла было слышно вкрадчивое шорканье веника – она продолжила подметать двор.

– Тема! – поднял вверх большой палец Азамат. – Мама уехала, так я цежу иногда по вечерам. Жаль, сигары нет для полного счастья.

Вэвэ хмыкнул.

– Смотри не спейся. Твоя мать и так меня недолюбливает.

Азамат снова вспомнил, как в детстве предпринимал наивные попытки свести их с маман, считая ее неприязнь к Вэвэ как раз причиной того, что что-то у них не заладилось, и поэтому она злилась. Взрослые быстро раскусили этот замысел. Маман пришлось рассказать истину о его рождении. Все банально: роман с женатым командировочным, беременность никто не планировал, но она случилась. Женатик убыл в свой родной город, а маман в силу возраста решила, что это последний шанс. Азамат родился, когда ей исполнилось тридцать шесть. После этой истории он перестал думать об отце, по крайней мере заставлял себя не думать. Они с мамой всегда были вдвоем, только вдвоем.

«Маман» появилось после того, как в школьном расписании неожиданно возник французский язык, который, впрочем, так же стремительно и исчез. Зато шутливая фраза «Шарман, маман!» осталась навсегда: может, тогда и услышал, а может, в каком-то фильме.

Отец, точнее тень его, явилась к ним пару лет назад. Он умер и неожиданно оставил наследство. Его дети оказались людьми порядочными, хотя могли бы втихую факт с завещанием скрыть. Но нет, они нашли позабытого сына и честно отдали ему часть денег. Азамата удивило даже не это, а то, что отец о нем помнил. Сразу появилось сожаление – может, стоило найти его при жизни, пообщаться, узнать поближе? У каждого ведь своя правда. Но было поздно, отец умер. Все, что осталось, это фотографии, с которых смотрел чужой старик, да два неплохих сводных брата. По крайней мере, они поддерживали связь, потому что оказались тремя стволами, тянущимися из одного корня.

Деньги поначалу брать не хотелось. Хотелось гордо отказаться, но маман уговорила. «Внесешь первый взнос за квартиру, ведь рано или поздно соберешься жениться», – твердила она. Азамат купил машину, мама махнула рукой: «Делай как знаешь, это твои деньги».

– Мы тут с Фаридом в поездку собрались, – озвучил он то, зачем пришел к Вэвэ. – Посмотрите мою «тойоту», дядь Вить?

Тот кивнул и потянулся к телефону, смахнул с экрана крошки. Неподалеку от дома он открыл собственное СТО, так что вся округа чинила свои автомобили именно там. Отдав распоряжение прийти и взять ключи, он спросил:

– Далеко собрались?

Азамат запустил пятерню в кудри, принялся пальцами раздирать спутанные места.

– Фариду надо в Сарыбас. – И он вкратце изложил эпопею с Бонни.

Вэвэ рассказу не удивился. Он на своем веку повидал столько всякого разного, что его ничем из равновесия и не вывести.

– Понятно. Ну приличненько так ехать-то. Не ссы, подготовим машину нормально. Главное, не гони по незнакомой трассе, чтобы не встрять посреди степи.

Не дождавшись от Вэвэ негодования по поводу дурацкой затеи, Азамат не удержался.

– Да я ему говорил: давай тут зароем, и все дела. Нет же, уперся рогом. Вы ж его знаете.

Вэвэ поскреб чисто выбритый подбородок – наличие молодой супруги держало его в тонусе и не давало зарости щетиной.

– Да тут дело не в том, где зарыть.

– А в чем?

Вэвэ подвинул пустую пиалу жене. Она выплеснула оттуда остатки чая и налила свежий. Азамат и не заметил, когда она появилась за столом и бесшумно села с краю.

– Друг попросил помощи. Все, тут вопросов быть не должно. Вот в чем дело. Ради дружбы хоть на хребтине потащишь и его, и собачонку.

Его жена стянула косынку и принялась ею обмахиваться, кивая в знак согласия с мужем.

– Тут странно другое, – продолжил Вэвэ.

– Что? – Азамат подался вперед. Неужели кто-то наконец хоть самую малость осудит идею Фариды!

– Странно, что мне приходится тебе это объяснять, – подытожил Вэвэ. – Ключи от машины давай.

У калитки уже крутился работник его СТО. Азамат смотрел, как Вэвэ рассекает рукой воздух, давая указания. Потом перевел глаза на его жену. Та, улыбаясь, поглаживала живот, который хоть и был наполовину прикрыт столом, но все же притягивал взгляд, вызывая нездоровый интерес. Внезапно захотелось спросить и ее мнение, но Азамат не мог вспомнить ее имя. Какое-то длинное казахское... Каламкас? Сандугаш? Не обращаться же к ней «жаным», как любящий муж. Вэвэ мигом кадык вырвет за такие вольности. Азамат от греха подальше решил молчать.

– Все. Машину сейчас заберут, пару дней у нас постоит. Сообщу, как будет готова, – сказал Вэвэ, вернувшись к столу. – Когда выдвигаетесь?

– Еще не обсуждали. Думаю, ближе к выходным.

– Эх, я бы тоже рванул. Не помешало бы волчатам присутствие старого волка, а?

– Наоборот, – заверил его Азамат. – С вами надежнее было бы. Я же никогда на такие расстояния не ездил за рулем.

– Отпутешествовал я уже свое. Да, Карлыгаш? – Вэвэ посмотрел на жену.

Она снова застенчиво улыбнулась в ответ и, по своему обыкновению, ничего не сказала, только кивнула. Азамат даже застеснялся, заметив в выцветших глазах Вэвэ неприкрытую нежность. «Карлыгаш. Ласточка», – мысленно он хлопнул себя по лбу, чтобы уже навсегда зафиксировать эту информацию.

– Спасибо, дядь Вить. Побегу. Обед заканчивается.

Он поднялся из-за стола, пожал старику жилистую руку. Тот, как всегда, не отказал себе в удовольствии стиснуть со всей дури его ладонь. Пацаны в округе знали эту легендарную хватку – клешней Вэвэ было благословлено не одно поколение подрастающих мужичков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.